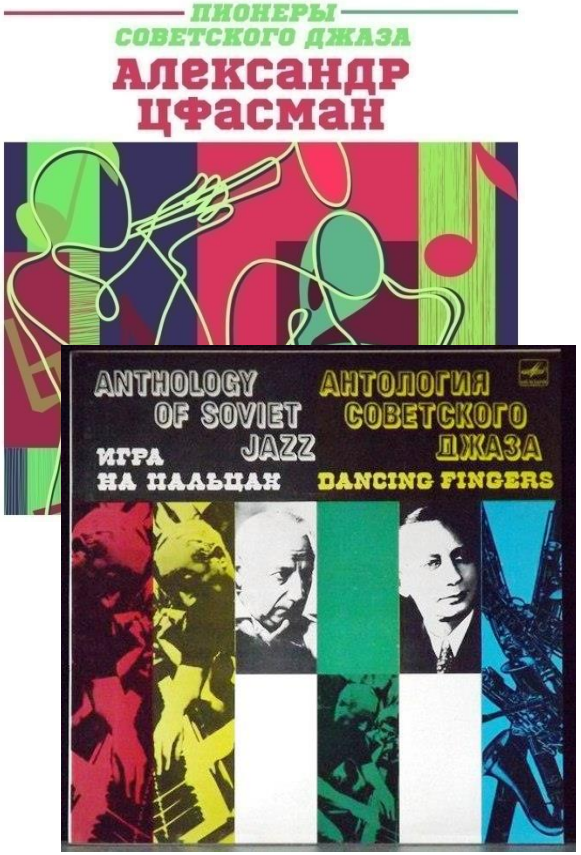
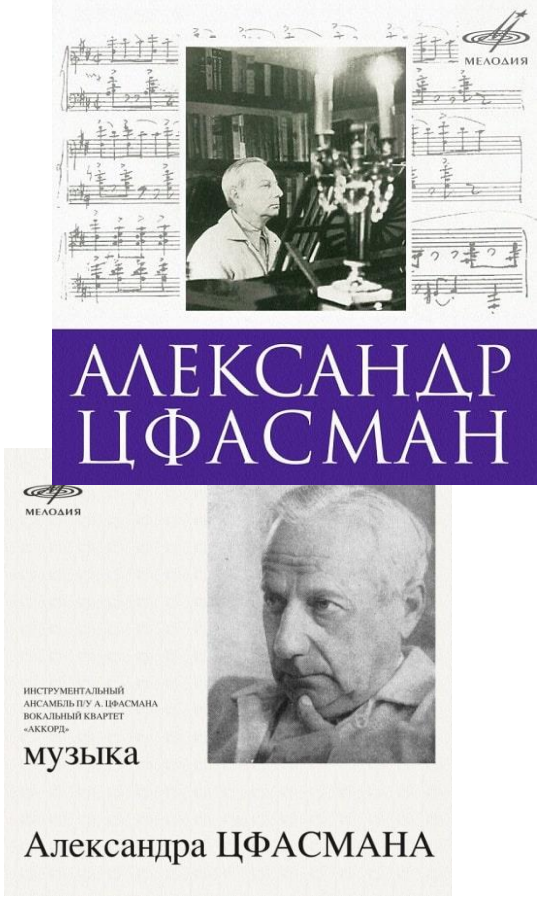




Беседа

«Музыка, наполненная дыханием джаза»

Александр Наумович Цфасман –
композитор, пианист, дирижёр,
один из родоначальников советского джаза
(01.(14).12.1906 – 20.02.1971)

100-летию советского джаза посвящается

СТАРТ

…Москва, 1927 год. У дверей Артистического клуба в Леонтьевском переулке прохожие с любопытством разглядывают афишу, возвещающую о выступлении музыкального коллектива со странным названием «АМА-джаз». Напечатанные в афише фамилии музыкантов никому ни о чём не говорят. Да и руководитель этого ансамбля никому не известен. Какой-то Александр Цфасман… «Кто это такой, не знаете?» - спрашивают друг у друга. Нет, никто не слышал этого имени.

Холодный мартовский ветер не способствует долгому стоянию на улице, и люди, махнув рукой, начинают расходиться. Тут дверь клуба открывается, из неё выходит мужчина в элегантном пальто и шляпе. Кто-то из оставшихся обращается к нему: «Извините, вы не знаете, что это за АМА-джаз? – «Это джаз Цфасмана», - был ответ. – «А кто это? И почему АМА?» - «АМА – это Ассоциация московских авторов, музыкальное издательство. Оно субсидирует этот джаз-оркестр, - терпеливо разъясняет элегантный мужчина, видимо, завсегдатай клуба. -

А Александр Цфасман… Вы что, никогда не слышали его игру? Впрочем, он ещё не выступал перед широкой публикой… Но скоро о нём заговорит вся Москва, - улыбнулся мужчина. – Это восходящая звезда джаза. Так что, если вы любите джаз, приходите на концерт, - он показал на афишу. – Это премьера. Уверяю вас, вы не пожалеете». И, прощальным жестом приподняв шляпу, мужчина быстрым шагом пошёл по переулку.

Незнакомец оказался прав. И насчёт успеха концерта, и насчёт «восходящей звезды». Именно Цфасману, 20-летнему студенту Московской консерватории, суждено было стать создателем первого в стране профессионального джаза.

Имя этого музыканта, ещё «не дошедшее» до широкой публики, было уже известно в артистических кругах: он сочинял модные фокстроты, которые печатались частными издательствами и быстро раскупались, а завсегдатаи Артистического клуба – актёры, музыканты, литераторы – восхищались игрой молодого пианиста.

Среди музыкантов, стоявших у истоков советского джаза, - В. Парнаха, Л. Теплицкого, Г. Ландсберга, Л. Утёсова, А. Варламова и др. – фигура Цфасмана выделяется по многим параметрам. Тем более удивительно, что во всех (и, кстати сказать, довольно немногочисленных)публикациях о Цфасмане весьма кратко говорится о годах его юности и учёбы, о том, как он пришёл к джазу. Родился 14 декабря 1906 года в Александровске (ныне Запорожье). С семи лет стал учиться игре на скрипке и фортепиано. В 12 лет поступил на фортепианное отделение музыкального техникума в Нижнем Новгороде. Играл в местном симфоническом оркестре на ударных инструментах. В 1923 году приехал в Москву. Заведовал музыкальным отделом Московской драматической студии им. А.С. Грибоедова. В 1925 году поступил в Московскую консерваторию и в 1930-м блестяще окончил её по классу фортепиано у профессора Ф. Блуменфельда. Всё. Далее – о его работе, начиная с создания АМА-джаза.

А. Цфасман: «Отец мой очень любил музыку и играл по слуху на скрипке. Я начал учиться музыке с семи лет – сначала на скрипке, но после двухмесячных занятий оставил скрипку и через два года стал учиться на фортепиано. В конце 1917 года наша семья переехала в Нижний Новгород, где я поступил на фортепианное отделение Музыкального техникума по классу С.Г. Тиграновой. Многим я обязан Александру Алексеевичу Касьянову, у которого проходил гармонию и инструментовку».

… педагога Тигранову радовали пианистические успехи её способного ученика Саши Цфасмана. Способного? Нет, здесь больше подходят другие эпитеты – талантливого, одарённого. Ибо уже через два года учёбы в техникуме Саша занял первое место на областном конкурсе пианистов, безупречно исполнив Одиннадцатую рапсодию Листа.

Московская консерватория

После окончания Московской консерватории, пройдя школу Блуменфельда, Александр Цфасман стал одним лучших советских пианистов. Жизнь и учёба Цфасмана в Москве пришлась на годы нэпа, принесшего не только экономическое оживление, но и определённое раскрепощение в области искусства. В частности, получили широкое распространение западные танцы – фокстрот, танго, шимми, чарльстон. Эта танцевально-развлекательная музыка не была, конечно, «настоящим» джазом, но кое-где можно было услышать и подлинный джаз в его ранних формах – рэгтаймы, блюзы.

А. Цфасман – выпускник Московской консерватории (1926)

Будучи студентом консерватории, Цфасман увлёкся этой новой музыкой – её непривычными звучаниями, острой ритмикой. Слушая её, он ощущал – вот то, что созвучно его душе, вот музыка, которая его захватывает, на которую всё его существо откликается неудержимым образом… Молодой музыкант чувствует потребность самому создать что-то в этом стиле. Он пишет несколько фокстротов, придумывая им экзотические названия – «Джимми», «Скай-трот», «Эксцентрический танец». Сочиняет вальс-бостон «Грустное настроение». Предлагает ноты издательствам, не особенно веря в успех. Но действительность превосходит его ожидания: издатели охотно печатают его пьесы, ноты мгновенно раскупаются. И тогда он организует свой АМА-джаз.

Почему Александра Цфасмана, пианиста с классическим музыкальным образованием, так захватил джаз? Дело в том, что существует феномен, который можно назвать «чувством джаза», и чувство это – врождённое, как, скажем, абсолютный слух: его нельзя выработать упражнениями – или он есть, или его нет. Многие музыканты-исполнители

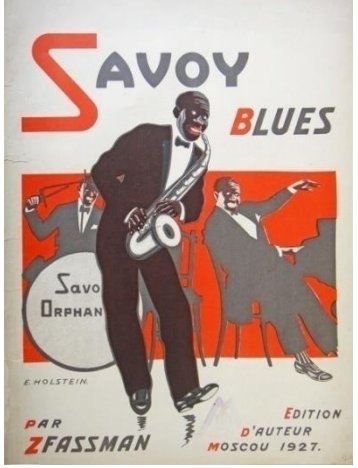
высшего класса, прекрасно играющие академическую музыку любых эпох, стилей и направлений, совершенно не могут играть джазовые композиции и импровизировать в джазовом стиле – не потому, что это им технически недоступно, а потому, что не обладают врождённым чувством джаза. Как справедливо заметил композитор Гия Канчели, «навязать это чувство нельзя, учить ему – бесполезно. Тут изначальное что-то заложено, природное». И далее: «Я знал больших музыкантов, чья эрудиция казалась мне всеобъемлющей. Прослушав джазовое сочинение, они могли профессионально точно объяснить его форму, тематизм, гармонию, полифонию и т. д. Однако никакой радости от самой музыки они при этом не испытывали».

АМА-джаз А. Цфасмана

Цфасман обладал чувством джаза в высшей степени, и это обстоятельство сыграло ключевую роль в выборе им творческого пути. А классическое музыкальное образование и незаурядные пианистические способности сделали его на этом пути профессионалом высшего класса.

Пианистическое мастерство Цфасмана приводило в восхищение таких знаменитых пианистов и педагогов, как Г. Нейгауз, К. Игумнов, А. Гольденвейзер. Об этой стороне таланта Цфасмана очень хорошо сказал А. Медведев: «Те, кто когда-нибудь слышал игру А. Цфасмана, навсегда сохранят в памяти искусство этого пианиста-виртуоза. Его ослепительный пианизм, сочетавший экспрессию и изящество, действовал на слушателей магически. Несомненно, в игре А. Цфасмана ощущались классические традиции, прежде всего традиция Листа. Но как джазовый пианист Александр Цфасман никому не подражал. Он сумел выработать свой, неповторимый фортепианный стиль, который узнаётся мгновенно. Его отличительные черты – энергия и мужественность тона, красочность звуковой палитры, филигранная техника, упругий, крепкий ритм, строгая логика голосоведения и гармонии, тончайшая отделка фактуры».

Но вернёмся к цфасмановскому АМА-джазу. Премьере в Артистическом клубе предшествовали четыре месяца репетиций, которым Цфасман отдавал всё свободное от занятий в консерватории время. Оркестр состоял из восьми музыкантов, включая руководителя. Репертуар – пьесы танцевального характера, обработки популярных мелодий, некоторые сочинения самого Цфасмана. Очень большое внимание Цфасман уделял аранжировке, добиваясь новизны и свежести звучания. В результате премьера имела такой успех, что АМА-джаз тут же получил ангажемент на выступления в летнем саду «Эрмитаж».



…Концерты проходят с аншлагом. Ансамбль приглашают играть в ресторане «Казино» на Триумфальной площади. Начинается путь к славе. В 1928 году впервые джазовый концерт транслируется по радио. Записывается первая джазовая пластинка. Оркестр играет в лучших московских ресторанах и кинотеатрах (это считалось не зазорным, а, наоборот, престижным). И впервые джазовый коллектив возглавляет не талантливый самоучка, а профессионал с консерваторским образованием.

В конце 20-х годов АМА-джаз – на гребне успеха. Гастроли по различным городам. В Москве имя Цфасмана уже у всех на слуху. Люди специально приходят в кинотеатры за полчаса до начала сеанса, чтобы послушать играющий в фойе оркестр. Казалось бы, всё хорошо. И вдруг…

На рубеже 20 - 30-х годов Цфасман испытывает некий кризис в своём мироощущении. Всегда общительный и благожелательный, он словно замыкается в себе. Его охватывает чувство неудовлетворённости исполнительским уровнем музыкантов. И он меняет род занятий: работает музыкальным иллюстратором в немом кино; устраивается концертмейстером в Хореографическое училище Большого театра, где знакомится с Игорем Моисеевым. Молодые люди подружились. Игорь ставил в Большом балет А. Арендса «Саламбо». Послушав игру Цфасмана, он сказал:

- Саша, у меня к тебе просьба. Музыке «Саламбо» не хватает динамики, она слишком статична. Надо бы её немного оживить. Не согласился бы ты написать пару номеров в соответствующем духе?

Цфасман согласился, и несколько оригинальных и эффектных номеров украсили музыку балета. Этот успех стимулировал композиторскую деятельность Александра Наумовича.

…Они приходили к нему в разное время, но чаще всего ночью, когда он не мог заснуть после насыщенного работой дня. Музыкальные темы возникали в голове как бы сами собой, и начиналась работа, отгоняя сон на неопределённое время. Мелодия расцвечивалась гармониями; безупречный слух композитора легко находил соответствующее гармоническое оформление с присущей автору изобретательностью. Наутро Цфасман уже записывал эту вещь в клавире и играл её. Если это была фортепианная пьеса, она подвергалась окончательной отделке с использованием виртуозной пианистической техники; если же сочинение предназначалось для оркестра, тщательно продумывалась аранжировка. Вообще подавляющее большинство сочинений Цфасмана – танцы, песни, фантазии и обработки популярных мелодий – изначально написаны для фортепиано и затем аранжированы для джаз-оркестра.

30-е годы были периодом становления джаза Цфасмана, его поисков и находок, творческого осмысления сущности джазовой музыки и заложенных в ней возможностей. Пройдя в консерватории академическую школу пианизма, Цфасман прекрасно знал фортепианную классику. И можно с большой достоверностью предположить, что Цфасман-пианист, обладавший врождённым чувством джаза, не мог не обратить внимания на весьма любопытное обстоятельство – явные «проблески» джаза у композиторов прошлого…

ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

Шло время, менялся и состав ансамбля, и его название. В 1932 году вместо АМА-джаза появляется оркестр «Московские ребята», официально именуемый «Джаз-оркестр п/у А. Цфасмана». Оркестр Цфасмана постепенно увеличивается и доходит до биг-бэнда так называемого «тройного» состава (три кларнета-саксофона, по три медных инструмента – трубы и тромбоны, 3 скрипки и ритм-секция – фортепиано, контрабас, гитара, ударные). «Внимательно следя за развитием мирового джаза, - отмечает Г. Скороходов, прежде всего – биг-бэнда, Цфасман и его ансамбль уже в 30-е годы дал образцы стилевых джазовых разновидностей – от традиционного диксиленда до современного свинга с его заразительной пульсацией и особым тембровым колоритом, постоянно демонстрируя при этом высокий профессиональный уровень исполнительства». Цфасман очень требовательно относился к своим музыкантам. И не только к их исполнительскому мастерству, но и к манере держать себя на сцене, внешнему виду, умению одеваться. «Мы должны выглядеть по-европейски элегантно», - говорил он. Сам Цфасман на концертах всегда появлялся во фраке. Он пользовался огромным авторитетом в своём коллективе. В аранжировках добивался в первую очередь красоты и выразительности оркестрового звучания, но предоставлял и возможность солирования отдельным инструментам. И, конечно, неподражаемыми были фортепианные соло самого Цфасмана.

Но не следует полагать, что всё давалось легко. Особенно трудно было научиться нашим музыкантам искусству свинга, освоить специфические приёмы джазового исполнения. Помогали зарубежные пластинки, которые удавалось достать. Ставили пластинку на патефон и играли вместе с ней.

Джаз-оркестр п/у А. Цфасмана

А вот что говорил сам Александр Цфасман: «Всегда, во все времена, даже самые выдающиеся композиторы в начале своего творчества испытывали значительное влияние своих учителей и – шире – близких им по духу художников, что творили до них. Когда у нас в стране народился джаз, не было ничего удивительного в том, что мы, музыканты, в той или иной мере заимствовали зарубежный опыт, учились по пластинкам, списывали нота за нотой образцовые заграничные партитуры. Ведь мы шли буквально по целине! Я помню рецензию о нашем джазе в американском журнале “Variety” где-то в начале 30-х годов: “Если учесть, что русские учатся только по граммофонным пластинкам, то надо признать – они делают чудеса”».

Афиша концерта джаз-оркестра ВРК под управлением А. Цфасмана. 1939 г.

…Оркестр Цфасмана играл не только инструментальную музыку. С коллективом выступали певцы, из которых наиболее известным был Павел Михайлов.

В 30-е годы увлечение джазом в нашей стране приобрело массовый характер. В довоенное время большой популярностью пользовались джаз-оркестры Л. Утёсова, Я. Скоморовского, Б. Ренского, А. Варламова, В. Кнушевицкого, Н. Минха. С 1936 года в Москве стали проводиться «Вечера джазов», где выступали ансамбли разных жанров и направлений; участвовали в них и гастролирующие зарубежные музыканты. В 1937 году такой «Вечер джазов» проходил в Клубе мастеров искусств. Евгений Габрилович в рецензии на этот «джазовый парад» поставил на первое место оркестр Цфасмана. В своей рецензии Габрилович назвал Цфасмана «мастером разнообразной и изобретательной аранжировки» и «действительно первоклассным джазовым пианистом».

Наконец-то джазу была дана зелёная улица. Он зазвучал в клубах, кинотеатрах, кафе, ресторанах, концертных залах. Однако в большинстве своём это были исполняемые в джазовой манере песни, которые писали И. Дунаевский, М. Блантер, братья Покрасс, Ю. Хайт и другие композиторы, работавшие в «лёгком жанре». Однако для Цфасмана на первом месте оставалась инструментальная музыка. Среди произведений Цфасмана 30-х годов наиболее известны «Звуки джаза», «Последний летний день», «На берегу моря», «Неудачное свидание», «Счастливый дождик», «Я в хорошем настроении», «Я сегодня грущу», «Утомлённое солнце» (обработка известного польского танго, написанного Ежи Петербургским). Вспоминает сын композитора, Роберт Александрович Цфасман: «Аудитория была обширная, поэтому репертуар подбирался разнообразный. Исполнялись чисто джазовые, экспрессивные инструментальные пьесы, но звучало и много лирических вещей, причём с вокальными партиями. Тексты, откровенно говоря, не отличались замысловатостью, но по сравнению с сегодняшними перлами типа “Я тебя слепила из того, что было” их можно считать сонетами Петрарки. Я уж не говорю о музыкальной стороне. В те суровые времена худсоветы (при всей их идеологической зашоренности) не пропускали халтуру и самодеятельность. Даже отец, пианист экстра-класса, волновался перед худсоветом, где его игру должны были оценивать Генрих Нейгауз и Александр Гольденвейзер».

Концерты цфасмановского оркестра открывались, как правило, инструментальной пьесой «Звуки джаза». Эта танцевальная пьеса фокстротного характера с превосходной аранжировкой являлась как бы визитной карточкой оркестра. …джаз Цфасмана нельзя было спутать ни с каким другим оркестром. Показательно, что Александр Наумович часто использовал в своих композициях элементы народных мелодий – и русских и зарубежных («Тирольский вальс», «Кубинская румба»).

В 1939 году Александр Наумович возглавил джаз-оркестр Всесоюзного радиокомитета (ВРК), сменив на этом посту Александра Варламова, и руководил им до 1946 года. В том же 1939 году состоялась первая джазовая телепередача, в которой выступил оркестр Цфасмана.

НЕ ТОЛЬКО МУЗЫКА…

Ни в одном источнике почти ничего не говорится о жизни Цфасмана вне музыки, о его пристрастиях, увлечениях, событиях личной жизни. Все пишут о нём только как о музыканте. А ведь он, как и все мы, был живым человеком… Представляется, что читателю будет интересно хотя бы немного узнать о «немузыкальной» стороне жизни Александра Цфасмана.

Из интервью с Э. Гейгнером:

- А кроме музыки были у него какие-то побочные… ну, хобби, что ли? Я где-то читал, что он много времени проводил на своей даче и, наверное, не только писал там музыку?

- Он разводил розы. У него было очень много роз. И ещё он любил балет на льду. С удовольствием ходил смотреть футбол. Болел за московское «Динамо», составлял таблицы матчей. У него были даже друзья среди футболистов…

…Дачу в Новодарьино, в шести километрах от Николиной Горы, Цфасман приобрёл лишь в 1956 году. Получив земельный участок, построил там сруб, а по периметру дома посадил 100 кустов роз разных сортов. Розы действительно были его страстным увлечением, он относился к ним нежно и заботливо, как к живым существам. Выращивал и другие цветы – флоксы, георгины, вообще был замечательным садоводом, читал специальную литературу по садоводству.

Да, знаменитый джазмен был настоящим фанатиком цветов. Коллекция роз была у него богатейшая. Алые, белые, жёлтые, карликовые и огромные… Композитор тратил на любимые розы весьма солидные суммы из получаемых им гонораров. И любил рассказывать о своих приобретениях. «Вот эту я привёз с юга, где был на гастролях, а эту подарила мне Агния Барто. Вон та приобретена у знаменитого коллекционера за баснословную цену, но она того стоит. А вот эту -

действительно королевскую – прислали из самой Голландии. Та же – видите, она чуть похуже – куплена в Англии…». Без хозяина розы не выжили.

А теперь – о другом.

…Пассажиров парохода, пересекавшего Атлантический океан, не покидало приподнятое настроение. Пароход плыл из Америки в Европу, а пассажирами были американские финны с коммунистическими убеждениями, мечтавшие скорее покинуть капиталистическую Америку и обосноваться в советской Карелии. Пришлось преодолеть множество препятствий, связанных с разрешением на выезд из США и въезд в СССР, но в конце концов всё было согласовано, и вот теперь – какое счастье, даже не верится! – мечта была близка к осуществлению. Жить в стране социализма, где нет эксплуатации человека человеком, безработицы, где каждый имеет право на труд и отдых, где бесплатное лечение и образование – да, ради этого

стоило пройти цепочку долгих мытарств и казавшихся бесконечными чиновничьих формальностей. И напрасно их ещё в Штатах пугали слухами о всесилии советской ЧК, всё это вздор – ведь они готовы служить советской власти, внести свой вклад в построение коммунистического общества. (На дворе был 1930 год, и до начала эпохи Большого террора, наступившей после убийства Кирова, оставалось ещё четыре года).

Среди пассажиров была молодая девушка Гертруда Грандель, мечтавшая посвятить себя музыке, к которой у неё были несомненные способности. И когда пассажиры парохода добрались, наконец, до Петрозаводска – столицы Карелии, она почти сразу уехала в Ленинград и поступила в Ленинградскую консерваторию. В 1935 году Гертруда окончила консерваторию по классу ударных инструментов. Её отъезд из Петрозаводска в Ленинград оказался более чем своевременным, ибо через несколько лет почти все приехавшие с ней пассажиры были репрессированы. Это во-первых. А во-вторых, отъезд в северную столицу сыграл большую роль в её дальнейшей жизни: после окончания консерватории она познакомилась с молодым человеком, и между ними завязались дружеские отношения, очень скоро перешедшие в роман с самыми серьёзными намерениями. Молодого человека звали Александр Цфасман.

Это случилось во время гастролей оркестра Цфасмана в Ленинграде, и знакомство состоялось на каком-то из его концертов. Вскоре они поженились. Цфасман перевёз молодую жену в Москву, они какое-то время жили в комнате на Сретенке, а затем, перед самой войной, в квартире на Беговой улице, которую Цфасман получил уже будучи руководителем оркестра Всесоюзного радиокомитета. Но судьба сложилась так, что этот брак просуществовал недолго.

Гертруда Грандель – первая жена А. Цфасмана (1930)

Из интервью с Э. Гейгнером:

- *Вспоминая об Александре Наумовиче, можете ли Вы рассказать что-нибудь о его семье?*

- Я бывал у него не очень часто. Его жена, Ксения Григорьевна, была прекрасной женщиной. Красавица, и оказалась великолепной женой. Она Робика, сына Александра Наумовича от первого брака, выходила. Вы знаете эту историю, нет? Кто его мать? Об этом можно рассказывать? Да? Ну хорошо. Когда я еще не работал у Цфасмана, приходила его жена, она была американкой, играла на ксилофоне. Она приехала с американской группой и осталась у Цфасмана – типичная американка, хорошенькая…

- *Её не Гертрудой звали?*

- Гертрудой. Началась война и она хотела уехать, но была уже в положении. Уехать Гертруда должна была через Баку. Цфасман туда поехал, а она уже родила ребёнка, Роберта. Александр Наумович

забрал сына и привёз его в Москву. Пришлось ей уехать без ребёнка. И Ксения Григорьевна – честь ей и хвала! – выходила и вырастила сына Александра Наумовича. Кстати, потом эта Гертруда за границей вышла замуж и родила дочь, так что у Роберта есть сестра, он об этом знает. [**Примечание от автора книги:** Здесь Эмиль Давидович кое-что путает. Роберт Цфасман родился в 1939 году – за два года до начала войны. Потом его родители развелись. Гертруда вышла замуж за американского дипломата, работавшего в Москве, и родила от него дочь Мэри – не в Америке, а по пути в неё, ещё на территории СССР (в районе нынешнего Волгограда)].

- *А как же Гертруда уехала, оставив ребёнка? Нельзя было не уезжать?*

- Ну, конечно, она должна была остаться, но там были люди из НКВД, они заявили, что не выпустят её с ребёнком. А у неё была виза, обратная виза в Штаты. И она уехала.

- *Но ведь это была житейская драма! Александр Наумович, наверное, сильно переживал это?*

- Я думаю, он не очень переживал, что расстался с Гертрудой. Конечно, я точно не знаю, но мне так кажется. А ребёнок – ребёнок для него был всё.

Добавим к этому несколько слов о Ксении Григорьевне, на которой Цфасман женился после развода с Гертрудой. Она была действительно замечательной женщиной, преданной и любящей женой и стала фактически родной матерью Роберту. Ксения Григорьевна окончила балетную школу Большого театра и работала в мюзик-холле. Но когда она вышла замуж за Цфасмана, он поставил ей жёсткое условие: не работать. Она должна быть дома, вести хозяйство, воспитывать сына и т.д. Не исключено, что такое условие было продиктовано чувством ревности: Александр Наумович хорошо знал нравы богемной среды и не хотел, чтобы его красавица-жена «вращалась» в этом обществе. И она согласилась. Роберт Александрович рассказывал: «Мои одноклассники, а затем однокурсники (он окончил филфак МГУ. – А.Г.) мне завидовали: “Весело у вас в доме, знаменитости всякие приходят, джаз с утра до вечера гремит…”. Мне приходилось терпеливо объяснять, что домашняя обстановка у нас близка к спартанской. Отец, конечно, вёл в какой-то степени светскую жизнь, ходил, скажем, в Дом кино на просмотр недоступных массовому зрителю фильмов, но назвать наш дом открытым можно было с натяжкой. Собиралась пару раз в год компания преферансистов, среди которых выделялся избегавший литературных выражений и вечно дымящий “Беломором” кинорежиссёр Иван Пырьев. Бывали в гостях Игорь Моисеев, Сергей Образцов и другие известные люди. Что же касается джаза, то отец гораздо чаще играл в свободное время Рахманинова».

Ксения Григорьевна Кухтина – вторая жена А. Цфасмана

А. Цфасман с сыном

В ГОДЫ ВОЙНЫ

В военное лихолетье Цфасман – бессменный руководитель джаз-оркестра Всесоюзного радиокомитета. В оркестре были собраны лучшие джазовые музыканты страны. Вот что рассказывал Цфасман о своём оркестре, приоткрывая «творческую кухню» создания и исполнения произведений:

«Каждую новую пьесу мы начинали готовить по группам. Сначала одни саксофоны, потом одни медные, потом аккомпанемент. Потом вместе, потом снова порознь. Непременно учили партии наизусть. Стремились к тому, чтобы каждая группа играла как один человек, чтобы было одно дыхание – ведь если кто-нибудь сделает неточный штрих, сразу разваливается вся группа, разваливается оркестр. И всё-таки, знаете, репетировать музыканты обожали! Потому что работать в джазе и не любить его – невозможно. Где угодно можно, а здесь нет.

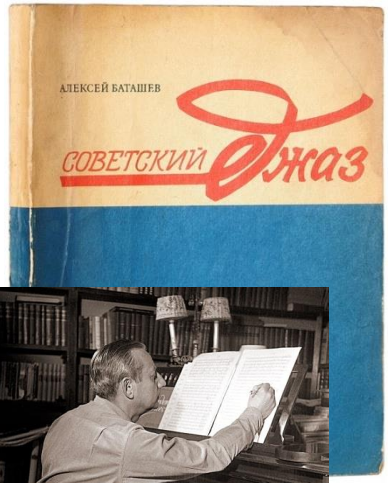
Половину репертуара составляли пьесы советских авторов. Но и на другой половине репертуара – зарубежной музыке – уже лежала печать нашего творчества, нашего стиля. С оркестром постоянно работала группа талантливых аранжировщиков. Мы все очень старались друг перед другом, шло в хорошем смысле соревнование. Я был требователен, и если аранжировка казалась мне неудачной, возвращал автору. Прошла пора педантичного списывания с пластинок, всё больше работали мы над отечественным репертуаром. Нас увлекало это творчество, и порой мы сами находили такие приёмы и краски, которые я до этого нигде не встречал».

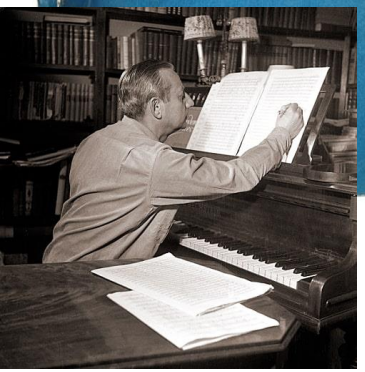
Оркестр ВРК был детищем Цфасмана, он отдавал ему все свои силы и знания. Занимался с музыкантами, не жалея времени, учил их джазовому мастерству, приёмам джазовой фразировки, технике исполнения. Он любил свой коллектив, и оркестранты платили ему той же монетой. Авторитет его был огромен.

Джаз-оркестр Всесоюзного радиокомитета на Западном фронте (1942)

Стоит отметить, что, сохраняя приоритет инструментального джаза, Цфасман стал тем не менее более активно приглашать вокалистов. Так, он первым оценил вокальное дарование будущей звезды советской эстрады Ружены Сикоры, когда она была ещё никому неизвестной молодой певицей. Концерты с её участием [в сопровождении цфасмановского джаза] имели большой успех у московской публики.

Ружена Сикора





А. Цфасман

Весной 1942 года оркестр ВРК выезжал на фронт. Процитируем ещё один фрагмент из книги А. Баташева, в котором он приводит воспоминания самого Цфасмана: «Мы старательно готовились к этой поездке. В нашей программе было много новых песен, среди них “Землянка” К. Листова, для которой я сам писал аранжировку, “Моя любимая” М. Блантера, “Маленькая Валенька” Б. Фомина. Какие хорошие песни рождались в военные годы – чистые, благородные, мужественные, в них не было и намёка на пошлость».

Воинские части под Вязьмой, Калугой, Смоленском… Концерты проходили в прифронтовой полосе, на лесных полянах. Играли в основном советские песни. Выезжали и на передовую. Одевались в маскхалаты и играли прямо в окопах. Обычно музыканты разбивались на группы по 3 – 5 человек, например скрипач, аккордеонист и вокалист. (Кстати, Цфасману пришлось осваивать аккордеон – не брать же с собой на фронт рояль или пианино!). Слушали музыкантов обычно человек двадцать, находящихся в соседних окопах. Бойцы принимали выступавших очень тепло – у них поднималось настроение. На передовой нервы постоянно напряжены, и солдаты очень ценили такую передышку между боями, хоть на короткое время отвлекавшую от страшных будней. От души благодарили музыкантов, угощали чем могли. Почти пять месяцев оркестр выступал на фронте.

А теперь передадим слово Э. Гейгнеру, поведавшему такие подробности фронтовой эпопеи оркестра, о которых мог знать только непосредственный участник этих событий.

Из интервью с Э. Гейгнером:

- *Эмиль Давидович, расскажите, пожалуйста, о том, как Александр Наумович уезжал на фронт.*

22 марта 1942 года мы получили предписание от имени Политуправления РККА выехать на Центральный фронт. А за пять дней до этого у Цфасмана случился приступ аппендицита. И ему сделали операцию. Он лежал в больнице, швы ещё не сняли, а надо было выезжать на фронт. Мы думали уже, что не поедем. А он говорит: «Нет, я поеду. Я должен быть там». И поехал, с неснятыми швами. Приехали в первую воинскую часть, там были полевые врачи, они сняли ему швы, а потом в каждой следующей части ему делали перевязки. А ехали – знаете, как мы ехали? Грузовики – полуторки с сеном, мы там лежали вповалку, а дороги все разбитые, трясло нас ужасно. И несмотря на всё это, Цфасман выехал и был с нами до конца, все пять месяцев.

А как вас встречали бойцы?

- Обычно было так: большая поляна, на поляне сидит полк. А мы – на грузовиках, откидывали борта и играли. Слушали нас в большинстве люди, которые уже шли на фронт, - в касках, с автоматами. После выступления нас кормили обедом, мы садились в машины и ехали в другую часть. Расстояния огромные – 100 – 150 километров ехали каждый день.

Приезжали, ночевали, и утром – концерт. А кормили нас от души: огромная алюминиевая миска с гречневой кашей и, представляете, - тушёнка! В те времена это было просто роскошью.

А какое было впечатление от ваших концертов?

- Вот об этом я и хочу сказать. После концерта бойцы подходили к нам, очень довольные, а у многих был слёзы на глазах – мы играли такие песни, как «Тёмная ночь», «Землянка», «Моя любимая» – лирические, берущие за душу песни, и нас так благодарили! А один из командиров подошёл и сказал: «Ну, спасибо вам! Я как будто дома побывал!».

- *Я думаю, подобные слова были для вас лучшей наградой, не правда ли?*

- Конечно, мы чувствовали, что делаем нужное, полезное дело. А самым тяжёлым было играть в полевых госпиталях. Вот это было ужасно. Раненые… Огромные палаты, было несколько палат, и врачи «сортировали» раненых по ранениям - в одной палате раненные в живот, в другой – в голову и так далее. Мы не могли играть для всех, всем оркестром, и делились на три группы, и группы тихонько играли в разных палатах. У нас было три солиста-певца – Вера Красовицкая – ой, какая героиня была! – Захаров, замечательный баритон, и Нечаев Володя, мальчик такой, потом он стал известным – помните, послевоенный дуэт – Бунчиков и Нечаев? Мы делились на три группы и ходили по палатам играть. Помню, я попал в группу, четверо нас было, и мы зашли в одну палату. Заходим, а там – раненные в глаза и уши. Голова вся забинтована, один только рот виден… Страшная картина. Мы играем, а они сидят и отбивают такт… Мы сыграли четыре или пять песен, хотели ещё играть, а тут заходит врач и говорит: «Хватит. Им больше не надо». Мы собрались уходить, и вдруг один из забинтованных бойцов встаёт, шаря руками, подходит, сориентировавшись по голосу, к нашей певице, Вере, обнял её и сказал всего одно слово: «Спасибо»… А каждый вечер привозили новую партию раненых, по 10 – 12 человек, сортировали их по палатам… Ужасно. Что сделала война, словами не передать…

Музыканты джаз-оркестра Всесоюзного радиокомитета под управлением А. Цфасмана на Центральном фронте. В первом ряду третий справа (в пижаме) –А.Цфасман (май 1942)

У нас было два случая, когда мы чуть не погибли. Однажды мы ехали из одной части в другую, долго искали её, уже было темно. Наконец в какую-то деревню въехали, всю разбитую, и была там одна целая изба, а возле неё – автоматчик. Тогда наш политрук – а он всё время с нами ездил, иначе нельзя было – пошёл в эту избу выяснять обстановку. Оказалось, это был штаб какой-то маленькой части. В штабе сидели два майора. Мы сказали, куда нам надо, нас устроили переночевать, дали сена, на которое мы просто рухнули – так устали. На рассвете, часов в пять утра, нас поднимают. Что такое, почему так рано? «Быстро, быстро!» - торопят нас, не объясняя. Мы сели в машину и часа через три приехали в ту часть, куда нам было нужно. Нас встречают: «Ну, слава богу, живы! А мы вас ждём, ждём…». Мы ничего не понимаем, спрашиваем: «А что такое, в чём дело?». И командир части говорит: «Вам повезло!». Оказалось, что

часа через два после нашего отъезда из деревушки туда проникла немецкая разведка и уничтожила штаб и всех, кто там был. Так что, задержись мы в этой деревне на пару часов, нас бы никого не было в живых.

А второй случай был, когда мы работали для воздушной армии. Приехали на один аэродром, самолётов почему-то не видно, а была это большая поляна, и на ней стояла изба, в которой помещался аэродромный штаб. Политрук наш пошёл узнавать, а из избы вдруг выбегает человек и кричит: «Налёт! Все в лес, быстро!». Мы кинулись в лес, а буквально через полминуты над нами появились три «мессера» (немецкие самолёты «Мессершмитт») на бреющем полёте и стали сбрасывать бомбы. А человек этот, предупредивший нас, был начальником батальона аэродромного обслуживания, и он не успел добежать до леса – бомба разорвалась, и он погиб на наших глазах.

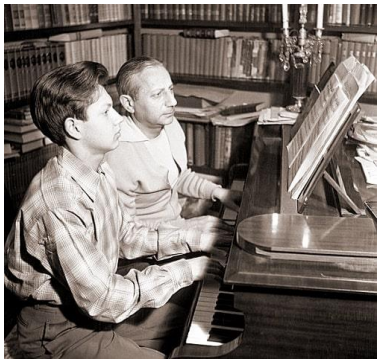
А однажды мы давали концерт тоже в лётной части, на аэродроме. Лётчики сидели на траве, все в шлемах, в полной боевой готовности. Начальником там был генерал, и вот в разгар нашего концерта к нему подбегает вестовой и что-то говорит ему на ухо. Генерал встаёт и, перекрывая оркестр, командует: «Стоп!». И – лётчикам: «По самолётам!». Всех как ветром сдуло, через несколько минут все были в воздухе, мы думали, они улетят сразу, а они сделали круг и крыльями нам машут – благодарят… А когда мы уже вернулись с фронта, пришло письмо из какой-то части, оно у Цфасмана хранилось, с благодарностью и ему, и всему оркестру. Да… Всё-таки, я думаю, мы внесли какую-то моральную лепту в нашу победу.

…Вернувшись в Москву в конце 1942 года, оркестр ВРК записывает на пластинки произведения, призывающие к борьбе с фашизмом, укрепляющие веру в победу. Цфасман сочиняет песни на военные темы: «Весёлый танкист», «Молодые моряки», «Всё равно», «Моя любовь». Кроме основной работы на радио оркестр даёт открытые концерты в Колонном зале, на заводах, фабриках, призывных пунктах.

…Кончилась страшная война. Страна постепенно возвращалась к обычной жизни. Вернувшись из Куйбышева в Москву, Цфасман с женой и сыном какое-то время жил в гостиницах, потом получил квартиру на 1-й Мещанской (ныне Проспект Мира). Наступило столь желанное, выстраданное неисчислимым количеством жертв мирное время.

А. Цфасман

Разучивание песен из фильма «Встреча на Эльбе»



А.Цфасман с сыном

СОБЫТИЯ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ

Развернулась мощная кампания борьбы с «космополитизмом», «низкопоклонством перед Западом». Всё создаваемое на Западе объявлялось извращёнными антинародными вывертами загнивающей буржуазной культуры. И уж, конечно, к этим «вывертам» был причислен джаз. Если ещё в конце 30-х годов обсуждался вопрос, какой нам нужен джаз, то теперь ответ был однозначен: никакой. Советскому народу не нужна эта упадочная «музыка толстых».

…в трудные для джаза времена лидер советского джаза Александр Цфасман «переключается» на симфоджаз и фортепианные произведения. В 50-е годы, кроме работы с оркестром «Эрмитажа» [эстрадный театр «Эрмитаж»], он собрал также небольшой инструментальный ансамбль. В сочинениях этого периода в полной мере проявляется блеск его дарования. Слушая записи тех лет – «Весёлый вечер», «Я люблю танцевать», «Ожидание», «Всегда с тобой», «Танцующие пальцы» и др., - поражаешься тому, с каким изяществом и вкусом «сделана» эта музыка: безупречная аранжировка, ювелирная отделка вариаций основной темы, завораживающая красота звучания. И, конечно, сверкающий водопад звуков солирующего фортепиано.

А. Цфасман

Фортепианные соло Цфасмана можно слушать бесконечно – столько в них изобретательных находок, экспрессии и динамики. Его блистательная пианистическая техника никогда не была самоцелью, но всегда служила средством художественного обогащения музыкальной палитры произведения. А в его фортепианных фантазиях и попурри на темы песен и танцевальных пьес советских композиторов проявилось не только пианистическое мастерство, но и умение создавать единое полотно из разных по темпу и настроению музыкальных тем, как это сделано, например, в «Фантазии на темы песен Блантера».

Цфасман обращался и к крупным формам. Ещё в 1931 году он написал балетную сюиту «Рот Фронт». Он автор двух фортепианных концертов (для фортепиано с джаз-оркестром, 1941 и для фортепиано с эстрадно-симфоническим оркестром, 1967), «Спортивной сюиты» для симфоджаза (1965).Крупным сочинением является и «Интермеццо для кларнета и джаз-оркестра».

В декабре 1956 года в Колонном зале Дома союзов состоялся творческий вечер Цфасмана в двух отделениях. Этот вечер был фактически юбилейным – пятидесятилетие со дня рождения и сорокалетие композиторской деятельности, но об этом даже не упоминалось ни в афишах, ни в программках: Цфасман отличался скромностью и не любил славословия и торжественного «звучания фанфар» в его честь. Но многие знали о юбилее, и зал был заполнен до отказа. На сцене, как полагается, почётный президиум – всё руководство Союза композиторов СССР во главе с Тихоном Хренниковым. Юбиляра поздравляли не только коллеги по музыкальному цеху. Его приветствовала по старой дружбе группа балерин Большого театра (в своё время, когда будущие звёзды учились в балетном училище при ГАБТе, молодой Цфасман подрабатывал там концертмейстером). С тёплыми словами в адрес композитора выступила делегация спортивного клуба «Трудовые резервы» (Цфасман часто писал музыку к показательным выступлениям юных спортсменов). Пришёл даже знаменитый футбольный тренер Михаил Якушин: Цфасман в молодые годы играл на рояле на водной станции «Динамо» и с тех пор на всю жизнь подружился с динамовским клубом, был страстным болельщиком футбольной команды «Динамо».

На этом вечере, естественно, состоялся авторский концерт, в программу которого вошли почти исключительно инструментальные произведения последних лет. Цфасман играл свои известные фортепианные пьесы: «Снежинки», «Быстрое движение», «Лирический вальс», «Ожидание» и др. Некоторые пьесы исполнялись в сопровождение эстрадно-симфонического оркестра, иначе говоря – симфоджаза. Звучали также песни, в том числе в исполнении Клавдии Шульженко. Концерт имел огромный успех и закончился музыкальной шуткой, в которой увертюра к опере «Кармен» остроумно сочеталась с темами песен советских композиторов. А в следующем году Александру Наумовичу Цфасману было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР.

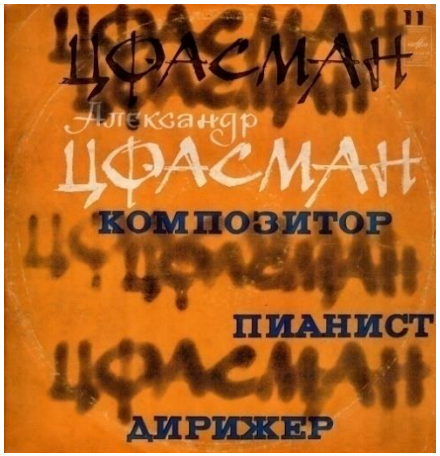
…60-е годы. За плечами у Цфасмана – весомый багаж его разносторонней творческой деятельности: композиторской исполнительской, дирижёрской. Работа в оркестрах, концертные выступления, музыка к спектаклям. Работа в кино: им написана музыка к кинофильмам «Весёлые звёзды» (1954), «Секрет красоты» (1955), «За витриной универмага» (1956). Поразительная работоспособность и энергия…

Композитор Андрей Эшпай говорил о Цфасмане: «Меня неизменно восхищает в нём неистощимый запас энергии, творческой выдумки, изобретательности. Причём Цфасман всегда остаётся Цфасманом, ни на кого не похожим, самобытным исполнителем. Здесь сказывается и большая культура, и блестящее мастерство (ещё бы, школа Блуменфельда!), и увлечённость искусством».

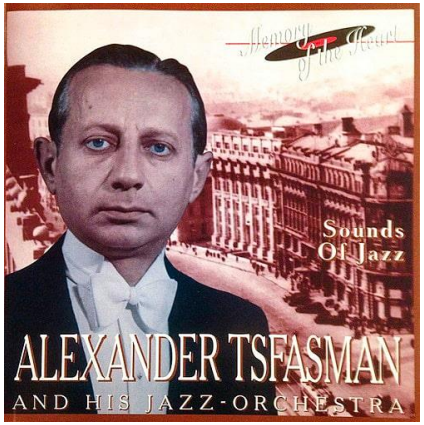
За роялем А. Цфасман

В интервью газете «Советская культура», опубликованном под названием «Джаз и джазомания» (1966), Цфасман говорил: «Вы знаете, современный джаз – отнюдь не единое понятие: внутри жанра очень много различных направлений – от традиционного “диксиленда”, в котором законы ладогармонического письма сохранены, и до авангардистского джаза – джаза-модерн». Конечно, он не был в восторге от авангардного джаза, в котором «идёт процесс ломки мелодии, гармонии, формы, закономерностей метроритма», но, не принимая музыку такого рода, не ратовал за её запрещение. Он говорил о джазе во всех его ипостасях: «Пора, наконец, раз и навсегда установить, записать во всех документах и скрепить печатями, так сказать, законность джаза. Ибо джаз – это не “фокусничанье”, не трюкачество, не весёлое времяпровождение, а музыка, настоящая музыка, одна из областей музыкального искусства. И так же как в любом другом из видов искусства, здесь действуют те же принципы художественного творчества и неукоснительно применимы всё те же требования и критерии талантливости, мастерства, профессионализма. Наша задача – поставить джазовую музыку на прочный профессиональный фундамент, “дать” ей консерваторский диплом, высшее образование. Освободиться, решительно освободиться от любительщины – на мой взгляд, задача номер один». В этом интервью Александр Наумович как бы подводит итог размышлениям о том виде музыкального искусства, которому он посвятил всю свою жизнь.

В 2000 году в серии «Антология джаза» вышел альбом Цфасмана «Утомлённое солнце», записанное на CD в формате mp3 и включающий в себя лучшие инструментальные и вокальные пьесы композитора. И весьма симптоматичным является то обстоятельство, что этот CD с музыкой «ретро» был очень быстро раскуплен и сейчас его можно только скачать через интернет.



А. Цфасман



ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

14 декабря 2006 года исполняется 100 лет со дня рождения Александра Наумовича. Эта памятная дата, безусловно, будет отмечена всеми любителями джаза. И совершенно неважно, что сегодня джаз другой, чем во времена Цфасмана. Настоящая музыка не умирает – ведь мы и сейчас с удовольствием слушаем, скажем, музыку барокко, хотя на дворе совсем другая эпоха и в этом стиле никто из композиторов уже давно не пишет. По этому поводу вспоминается любопытная история, происшедшая с Джорджем Гершвином. В 1928 году Гершвин посетил Вену, где познакомился с Альбаном Бергом, одним из «отцов» атональной музыки. Когда Гершвин сыграл Бергу несколько своих песен, тот был в восторге. А Гершвин был обескуражен. Он сказал:

- Я не понимаю, как вам может нравиться моя музыка. Ведь вы пишете музыку совершенно другого типа!
- Это не имеет значения, – ответил Берг. – Музыка есть музыка.

Именно поэтому мы и сегодня восхищаемся музыкой, созданной Александром Наумовичем Цфасманом – корифеем советского джаза.

Голубев, Анатолий Николаевич. Александр Цфасман : корифей советского джаза. – Москва : Музыка, 2006. – 103 с : ил.

Автор-составитель беседы –
главный библиотекарь отдела музыкально-нотной литературы
Воронежской областной универсальной научной библиотеки
имени И.С. Никитина
Левина Елена Ивановна